

УБРАНСТВО ЗНАТНОЙ ЕВРЕЙКИ*¹

Первые лучи света брезжутся на вершине храма иерусалимского и позлащают покатости Эврона и Синая. Толпа народа теснится по улицам, и сие утреннее волнение возвещает, что родился день общенародного празднества. Пробуждается от сна в чертогах, скрывающих ее от взоров людских, юная Рахиль, которая покоилась посреди своих прислужниц, на изголовье, украшенном звериными кожами, под одеялом из драгоценных тканей финикийских, дивится, что она проснулась прежде того часа, в который обыкновенно прелестные глаза ее открываются для света дневного. Прислужницы, к ногам коих привешены маленькие, звонкие серебряные колокольчики, окружают постель ее: они одеты в короткие верхние платья, спускающиеся немного ниже колена, и волосы их подобраны под разноцветные шелковые сетки^{**}. Первая подает своей госпоже простые сандалии, сшитые из козьего меха и завязываемые на ноге двумя застежками, из коих одна пропускается между большим и вторым пальцами ноги, а другая, дважды обвившись вокруг икры, связывается потом с первою. Рахиль снимает бумажную ткань, которою окутана была ее голова, и берет из рук одной прислужницы сетку из пурпуровой шерсти, блестящую по краям золотом и серебром; металлический полукруг, из-под которого выказываются концы ткани,

* Один немецкий писатель, терпеливо изучавший большую часть писателей языческих, познакомил нас со всеми затеями щегольства у древних римлян. Ученое сие творение о столь легком предмете издано под заглавием “Сабина, Знатная римлянка за уборным столиком”. Сочинитель помещаемой здесь статьи почерпал свои сведения из источников, более заслуживающих благоговение, и представил картину убранства прекрасной израильтянки.

** В Талмуде² можно найти описание сих годных уборов из сетки вместе с запрещением насчет лент, вплетаемых в волосы (см. Талмуд, III, 80). Талмуд, как известно всем, есть собрание раввинских преданий. Некоторые ученые израильтяне почти так же ему верят, как и закону, заповеданному в Писании, т. е. в Библии.

сдерживает сию сетку на затылке. Поверх короткой льняной сорочки, *синдона** (коего прозрачная тонкость покрывает ее, не укрывая от взоров), сорочки без рукавов и не доходящей до колен, накидывают на нее другую одежду, столь же легкую и прозрачную, но совершенно ее скрывающую в широких своих складках. Поднимается занавес и открывает внутреннее, таинственное убежище, где в тени пальм и финиковых деревьев, навевающих свежесть на воду, которая брызжет в мраморную купель, Рахиль предается удовольствию купанья, той роскоши, из коей нравы азийские и знойный климат Востока соделали для народов тамошних необходимую потребность и даже священный долг.

Не станем проникать взором в сие девственное убежище, которое не всегда было уважено одним из царей Израилевых: подождем той минуты, когда юная израильтянка, предшествуемая своими прислужницами, оставляет купальню и входит в отдаленный покой, святилище нарядов. Покой сей отделен от спальни кожами тигров и барсов, обделанными с отличным искусством и служившими вместо стен и перегородок в домах богачей. Запах мирры, амбры, бизама³ и алое разносится там повсюду. Золотые урны, выработанные хитрою рукою, с прорезными крышками, испускают из себя благовонные пары. Вокруг комнаты

чинно расставлены небольшие сосуды с узкою шейкой, из которых капля по капле вытекают находящиеся в них душистые масла. Видом сии сосуды продолговато-круглые;

* Исая.

некоторые иссечены из ливанского мрамора, другие вырезаны из оникса⁴. Более же всего манят взор окатные зеркала, осыпанные жемчугом и драгоценными камнями*, то медные, то серебряные, то выпуклые, то вдавленные; прислужницы беспрестанно вытирают гладкую их поверхность губкою, которая смочена иссопом⁶. В небольших коробочках из золота, алоевого и черного дерева раскладены те многочисленные и дорогие вещицы, которые часто возбуждали гнев пророков: здесь есть и ожерелья, и кольца, и разнородные запястья, и цепочки, и серьги, и те украшения, кои женщины иудейские, верные блюстительницы древних обычаев Азии, привешивают к ноздрям своим. Жрицы сего храма нарядов и красоты женской держат у себя одежды разных цветов, из дорогих тканей, различного покроя, спорящиеся между собою великолепием, и привешивают их на *канклин*** , большой сосуд из меди, накрытый медною же решеткою, под которою благовония курятся на горящих угольях и проникают своим запахом ткани, положенные таким образом над вылетающими оттуда душистыми парами.

Это еще только приготовления к нарядам Рахили. Сидя по восточному обычаю на коврах, разостланных по полу, она вручает своим прислужницам волнистые кудри прекрасных, черных волос своих. Кудри сии навеваются над курильницами, кои сообщают им приятный запах; потом намазываются волосы маслом нарда⁷, мирры и кинамома. Я должен сказать всю правду; Рахиль и женщины ее не знали употребления гребня, необходимого орудия нарядов и чистоты. Прислужницы расчесывали белоснежными своими пальцами природные кудри,

* Моисея кн. II, 38,8⁵. Зеркала в его время были медные. Иов. 17, 18, говорит о серебряных зеркалах. Арабы в первые веки после Эгиры имели медные зеркала. Во многих кабинетах любителей древности находятся зеркала сии и поныне.

** Талмуд, 6, 77.

которыми вились волосы их госпожи. Осужденный на такое признание, я пересматривал, для просвещения моего неверия, немецкую книгу порядочной толщины и ужасной учености; заглавие оной: “Об употреблении гребня у жен иудейских” подавало мне законную надежду. Сочинитель, долго и долго поговорив о Далиле и подержав за волосы Сэмпсона⁸, вставив на сорока страницах диссертацию о медалях сирийских и заглянув в уборные комнаты афинянок и римлянок, оканчивает свое творение сими словами, которые показывают в ясном свете пользу написанных им дотоле двухсот тридцати страниц в 4-ю долю листа: “По строгом рассмотрении всего сего, окончательное мое мнение есть таково, что знатные иудейки чесали себе волосы своими пальцами”^{*}.

По окончании сего девы связывают красными повязками волосы Рахили, которым искусство ее прислужниц сообщило лоск агата и сладостный запах цветущих рощей Кашемира⁹. Подходит дева, держа в руке маленькую четверугольную

152

коробочку из слоновой кости, в которую положено масляное и душистое вещество^{*}, растопленное над угольями. Она обмакивает в сей аромат, цветом черный и лоснящийся, *макахол*^{**}, серебряную кисточку или лопатку, широковатую на конце и сделанную желобком, чтобы в ней могло держаться красильное вещество. Рахиль

^{*} Один французский ученый в высокомерии своем дерзает отвергать точность заключении немецкого ученого. Вот его собственные слова: “Время, которое в Египте, кажется, не имеет ни косы, ни крыльев, пощадило египетские гребни и, что еще замечательнее, тамошние парики. Их можно видеть и ныне во многих собраниях древностей. Странно было бы, когда б евреи, несколько веков жившие на берегах Нила, не переняли употребления сего полезного орудия”.

^{*} Библия часто упоминает о сем обыкновении.

^{**} Талмуд, 6, 43.

зажмуривает глаза, и дева проводит кисточкой между двумя рядами ресниц, осеняющих оные. Когда же Рахиль открывает очи, то обрисовывающая их двойная черная черта придает им новый блеск, как бы увеличивает их и сообщает им какую-то величавую томность и задумчивую приятность, коих прелесть легко выразумет тот, кому удалось видеть одну из красавиц Востока, заключенных ныне в гаремы. Таким же образом проводят кисточку по бровям Рахили; легкая их дуга становится оттого ярче, и девы стараются протягивать черту их так, чтоб они сходились и соединялись под челом.

Потом юная еврейка встает и подходит к гладкому бронзовому зеркалу, стоящему в конце комнаты и совокупающему в себе лучи солнечные. Она сама осматривает, как прислужницы ее убрали; приказывает им сгладить остроконечный угол, образуемый соприкосновением двух черных дуг, которые они вывели над ее глазами, и соединить сии дуги змейчатою чертою странного вида, совокупающею обе брови легким перевивом. Она скидает утреннее свое платье, исподнюю сорочку и *хетонет*^{***}, коего имя напоминает *хитон* древних греков и римскую *тунику*, приказывает принести себе другую одежду такого ж покроя, но граздо уже, сотканную из тонкого шелковистого виссона^{*11}. Сия исподняя одежда снизу не доходит до лодыжки ног, а рукава ее едва касаются локтей, но вверху она очень высока и закрывает всю грудь. Застегиваясь позади очень тесно серебряною пряжкой, она оставляет угадывать, не выказывая нескромным взорам прелестные округлости, коими природа наделила прелестную Рахиль. Верхняя часть этой сорочки, весьма

^{***} На изваяниях Персеполиса¹⁰ и в рисунках и в отметках разных путешественников можно видеть образчики сей одежды. Иерусалим во времена своего богатства и роскоши принял многие обычаи вавилонян.

^{*} *Виссон*.— Многие думают, что это была негоряемая ткань из амианта или асбеста.

искусно и богато вышитая, являет удивленным глазам изображения цветов и плодов в золотых и серебряных узорах: она обшита фиолетовою бахромою, которая еще более отличает ослепительную белизну ткани и полувоздушную ее прозрачность.

(Окончание в след. №)